

что угодно. Нѣтъ учрежденія, которое бы не ошибалось, нѣтъ власти, которая бы не употреблялась во зло—нѣтъ, слѣдовательно, ни учрежденія, ни власти, къ которымъ была бы непримѣнима критика по шаблону „Московскихъ Вѣдомостей“. Всякому судебному порядку могутъ быть противопоставлены явно-неправильные приговоры, всякой формѣ общественнаго хозяйства—явные нарушенія общественнаго интереса. Правда, у Каткова есть еще одинъ критерій для оцѣнки учреждений: сличеніе ихъ съ основными началами русскаго государственнаго строя. Пользованіе этимъ критеріемъ заключено, однако, въ довольно тѣсныя границы, да и здѣсь онъ служитъ плохой гарантіей противъ ошибокъ. Онъ не обнимаетъ собою всѣхъ сторонъ вопроса—не говоритъ, напримѣръ, ни въ пользу, ни противъ гласности суда или состязательной формы процесса; онъ допускаетъ возможность противоположныхъ рѣшеній, въ подтвержденіе которыхъ трудно привести и теоретическіе мотивы, и историческія данныя. Такъ, напримѣръ, исторія Пруссіи въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го вѣка доказываетъ совмѣстимость самостоятельнаго суда и неограниченной монархіи, мѣстнаго самоуправленія и строгой централизаціи—доказываетъ все это съ убѣдительною, перевѣшивающею тысячи софизмовъ. Критика Каткова стоитъ, такимъ образомъ, развѣ немногимъ выше его положительнаго ученія; его отрицаніе не только безплодно—оно безсильно. Оно можетъ угрожать фактическому существованію отрицаемаго, но не можетъ поколебать его внутренней *raison d'être*; оно даетъ только предлогъ, но не разумный поводъ къ разрушительной работѣ, къ „преобразованіямъ наоборотъ“.

Какова бы ни была критика, какова бы ни была доктрина проповѣдника, многолѣтняя и безспорно талантливая проповѣдь не можетъ не создать, въ средѣ слушателей, извѣстнаго настроенія, не можетъ не распространить между ними извѣстной суммы чувствъ и взглядовъ. Въ чемъ же заключается настроеніе, вызванное „Московскими Вѣдомостями“? Способствуетъ ли оно уваженію къ закону и законности, столь мало еще свойственному русскимъ людямъ? Наоборотъ; съ точки зрѣнія Каткова, въ Россіи нѣтъ и не должно быть закона, который не могъ бы быть, въ каждую данную минуту, отложенъ въ сторону, нѣтъ общаго правила, изъ котораго не могло бы быть допущено сколько угодно и какихъ угодно исключеній. А уваженіе къ судебному рѣшенію—этотъ *respect de la chose jugée*, могущій служить мѣриломъ умственной культуры? И его Катковъ подрывать въ самомъ корнѣ, когда возставалъ противъ безапелляціонныхъ судебныхъ рѣшеній, противъ безусловной силы послѣдняго судебного слова. А уваженіе къ чужому мнѣнію, къ самостоятельной мысли, къ искреннему ея выраженію? Искусственное единодушіе, вынужденное